

Большой театр и Театральная площадь в Москве в начале XIX века

157 лет (Историческая справка)

Большой театр выстроен в 1780 г. англичанином Микелем Медоком на Петровке. Назывался он поэтому тогда Петровским театром.

Площадь перед театром в то время не было. Здесь протекала быстроводная Неглинка, которая поворачивалась в направлении Александровского сада и далее впадала в Москва-реку. По правому высокому берегу Неглинки шла улица Петровка. На ней и вырос новый, большой, каменный Петровский театр.

В октябре 1780 г. в «Московских ведомостях» появилось следующее объявление: «Господин Медок чрез сие почтеннейшей публичке объявляет, что с 22 числа сего месяца начнет принимать подписку на отдаваемые в год ложи в новостроенном театре, и для того желающих иметь сие покорнейше просит, дабы благоволили присылать анкеты с объявлением своего желания и имени в контору, имеющуюся при оном театре на Петровской улице, где они получить могут письменные условия, на которых сие ложи имеют быть отданы в год».

Ложи не поступали в текущую продажу, а абонировались на целый год и предоставлялись в полное распоряжение абонентов. Они их оклеивали обоями, обставляли мебелью и освещали, храня ключ от ложи у себя.

Театр имел 4 яруса и был выстроен по типу итальянских ранговых театров. Это выражалось в общем облике артельного зала, главным образом тем, что ложи были закрыты. Они не имели, как в театрах французского типа, выходящего в зал балкона, т. е. той части, где сейчас сидят артисты. Они как бы ограничивались теперешними аванложами, т. е. надвешной частью ложи. Барьеры у ложи были очень высокие и позволяли московской знати блистать туалетами. Помимо того было еще несколько лож, выходящих на авансцену и соединенных между собой узкими витыми лестницами. Такие «спеняческие ложи» были в обычных театрах XVII и XVIII вв. Их остатки можно видеть, между прочим, в подмосковном усадьбном театре-музее в Останкино.

Роскошный по своему времени Петровский театр сгорел дотла в 1806 г. перед началом оперы «Дантревская русалка».

Возобновлен был театр только через 20 лет, в 1825 г. архитектором И. О. Бове, использовавшим часть уцелевших стен. К переднему фасаду были пристроены восемь колонн и замечательная колоннада Фоба, сделанная из гипса.

В артельном зале были изменены ложи — они уже продвинуты вперед в виде всяких балконов (т. е. в таком виде, как они существуют сейчас). Тогда это называло просто изумление, и в одном из путеводителей по Москве читаем: «Просторные ложи утверждены на чугунных кронштейнах и, подвигшись смелости, что, кроме поразительного вида имеет ту вы-

соту, что ни одна ложа на заслоняется колоннами (предшествующей ей ложи. — Э. Б.) и ложи кажутся висящими в воздухе».

Оркестр, прежде помещавшийся на одном уровне с артельным залом, теперь был опущен.

Неглинка взята в трубы. Река таким образом исчезла и открылась площадь перед театром. В 1835 г. на ней был сооружен существующий и поныне архитектурно очень интересный фонтан Витали.

Театр стал называться — Большой Петровский театр, так как почти одновременно с ним (в октябре 1824 г.) был открыт на той же площади Малый театр в приспособленном для этого здании купца Варгина.

В 1853 г. Большой театр опять сгорел. И был возобновлен архитектором Кавосом в 1856 году. Наружный фасад театра уцелел от огня. Внутренняя реставрация почти копировала прежний проект Бова.

В большие крытые боковые подходы Большого театра, теперь лишены практического значения, тогда везжали огромные громадные дворянские кареты, запряженные цугом, чаще всего четверной, а то и в шесть лошадей.

Крепостная прислуга, «люди», снимали «господ». И карета отъезжала на площадь перед театром (где сейчас сквер). Зимой тут разжались костры. Воле костров в ожидании конца спектакля грелись кучера и фрейторы. Оставив карету, «господа» вместе с прислугой проходили в сени (целый ряд просторных вестибюлей, еще недавно пустовавших), они назывались «комнаты для людей». В этих комнатах платые укладывались обычно в мешки или на подостланные платки и воле них дежурила крепостная прислуга.

В ложах располагалась «родонитая» знать. Группа владельцев «родовых лож» являла, что вот эта ложа Апраксиных, эта — Юсуповых, эта — Гагаринных, Волжонских и т. п.

К оркестру прилежали несколько рядов «табуретов», т. е. кресел, тоже отдававшихся в годовой абонемент «золотой молодежи». Весь остальной партер был стоячий. Здесь в духоте и в давке помещался разночинский, демократический зритель. Таким образом партер и кресла еще разжались — об этом свидетельствуют в строки из пушкинского «Онегина».

Театр уж полон. Ложи блещут, Партер и кресла все кипит...

Все это теперь изменилось.

Крытые подходы не нужны и превратились в широкие уличные тротуары. «Комнаты для людей» исчезли. Зато появилась «спенялка», «гардероб». Ложи остались архитектурно ложами, но используются они не как ложи в целом, а отдельными местами. В новых современных театрах ложи давно заменяет амфитеатр, балконы и т. д. Стоячий партер давно отжил. «Спеняческие ложи» — отжили в предание.

Большой театр — глубокий старик, ему 157 лет. Он знал еще крепостного актера. Он знал барина, который, как говорит Чацкий в «Горе от ума», — «сам толст, его артисты тощи». Он слышал слова Пушкина, мечтавшего о народном театре и понимавшего, что для этого — «надо переменить и испровергнуть обычай, нравы и понятия целых столетий».

Эти преграды, казавшиеся Пушкину «непреодолимыми», — преодолены. Его современники — Большой театр — в дни своей великой радости рапортует об этом ордевом Ленину.

За седыи колоннами театра «играет младая народная жизнь».

ЭМ. БЕСНИН